

Сун Цинхуай-улыбнулся. Раньше, как бы ни ластился и ни пытался угодить Сун Цинцзэ, Фу Шицзюнь неизменно игнорировал его.

С тех пор как в первой половине года Сун Цинцзэ вернулся из-за границы, Фу Шицзюнь словно переменялся. Телефон, до которого вечно не получалось дозвониться, и пальто, пропахшее чужими духами, — эти мелочи стали последней каплей, сломившей Сун Цинхуая.

Получив результаты медицинского осмотра, он машинально захотел связаться с Фу Шицзюнем.

Он всё еще помнил самодовольный ответ Сун Цинцзэ на том конце провода: «По всем вопросам обращайся ко мне, Шицзюнь-гэ в душе».

Сун Цинхуай медленно вздохнул. Взгляд Фу Шицзюня упал на его бледные щеки, рука сбоку на мгновение сжалась в кулак, затем он наклонился, развязал галстук у него на запястье и накрыл его одеялом.

— Я отлучусь ненадолго. Не жди меня, ложись спать пораньше, — сказал Фу Шицзюнь.

Сун Цинхуай не обратил на него внимания. Фу Шицзюнь нахмурился, грубо разжал его губы и зубы и запечатлел поцелуй со вкусом крови.

Он лизнул разбитую губу: «А зубки у тебя крепкие».

Сун Цинхуай ничего не ответил, но Фу Шицзюню было всё равно.

Шаги постепенно стихли. Прижав руку к носу, Сун Цинхуай бросился в ванную.

Алые следы крови смыло потоком воды.

Капли воды скатывались по изящному лицу, вырисовывая картину прощального шедевра красавицы.

В огромной вилле никого не было. Сун Цинхуай просидел за пианино всю ночь напролёт, пока пальцы не задрожали так, что пришлось остановиться.

Менеджер позвонил, чтобы назначить встречу.

— Не увидимся. К черту, я ухожу из индустрии.

Менеджер подавил гнев: «Что ты за чушь несёшь? Немедленно приезжай».

Сун Цинхуай тут же сбросил вызов. Смех да и только: раз уж всё равно умирать, то кому охота дальше пахать за копейки?

Кто бы мог подумать, что менеджер перезвонит: «Сун Цинхуай, мне плевать, уходишь ты из индустрии или нет! Если не хочешь, чтобы дела твоего папаши стали достоянием общественности, живо приезжай сюда!»

Сун Цинхуай потёр переносицу.

Семья Сун некогда была одним из ведущих богатых кланов Бэйчэна, пока пять лет назад из-за несчастного случая отец не угодил за решетку, а мать не скончалась от тяжелой депрессии.

Сун Цинхуай решил податься в шоу-бизнес, где можно было быстро заработать, и все сбережения пустил на выплату долгов.

Он горько усмехнулся: умереть так умереть, но отец всё еще оставался в тюрьме.

Пока долг не погашен до конца, покоя не будет.

Дождавшись его приезда, менеджер сразу перешёл к делу: «Сейчас есть одно туристическое шоу под названием Дайте нам еще один шанс, ты же знаешь, что все гости там — бывшие возлюбленные?»

Сун Цинхуай кивнул.

— Звездный император Фу лично выбил для тебя квоту! Вы пойдете вместе, — зачастил менеджер, охваченный таким волнением, что был готов упаковать Сун Цинхуай и лично вручить Фу Шицзюню.

Однако от этого шоу разило за версту странностями, и Сун Цинхуай спросил: — Кто еще участвует?

— Дай гляну. — Менеджер полистал документы и назвал несколько имен: — Сун Цинцзэ.

На лице Сун Цинхуай появилась улыбка в духе предсказуемости.

Его хотели заставить подыграть Сун Цинцзэ, чтобы поднять тому популярность и создать шумиху.

В конце концов, остальные участники были тяжеловесами, а Сун Цинцзэ за счет репутации некоего гениального пианиста урвал кусочек внимания и теперь изо всех сил рвался заявить о

себе в индустрии.

Маленькому белому лотосу, чистому и несвязанному с грязью, разумеется, требовался фон в виде него — ненавидимого антифанатами актера из самых низов, вызывающего всеобщее отвращение.

Изюминкой шоу было зрительское голосование для выбора истинных пар. Это была передача с отличным предварительным разогревом, а съемки официально стартовали на следующей неделе.

Сун Цинхуай спросил: — Сколько платят?

Менеджер показал цифру.

Сун Цинхуай бесстрастно произнес: — Доплачивайте.

Менеджер взбесился, не понимая, почему человек, который обычно сносил любые побои и ругань, вдруг стал таким несговорчивым, но поскольку он выполнял требование Фу Шицзюня, задачу пришлось бы решить, даже если бы это было невероятно сложно.

Сун Цинхуай никуда не спешил. Лишь когда менеджер закончил телефонный разговор и увеличил первоначальный гонорар в несколько раз, он соизволил удовлетворенно кивнуть.

Не успел он отойти от компании и на пару шагов, как несколько человек с дубинками бросились вперед и преградили ему путь.

Сун Цинхуай глубоко вздохнул: — Деньги за этот месяц я уже вернул.

Мужчины были в грязной одежде, а старые шрамы на их лицах выглядели свирепо: — Молодой господин Сун теперь у нас звезда, когда же долг будет выплачен до конца?

Во взгляде мужчин читалось нескрываемое хищное вождление. Один из них ударил его дубинкой, бросив мрачно: — Деньги вернули, и какая от этого польза? Моя жена сбежала! За этот счет ответит сын за отца.

Сун Цинхуай инстинктивно прикрыл руки: — Не трогайте меня.

Однако толпа, словно обезумев, взмахнула дубинками.

— Тьфу! Раздеть его догола, и руки эти ему тоже покалечьте, раз посмел поднять на меня руку!

Сун Цинхуай был как рыба на разделочной доске, и мужчина, ухватившись за его руки, собрался наступить на них.

— Отпусти меня! — отчаянно забилися Сун Цинхуай.

— Моя жена сбежала, сын умер, потому что на лечение не было денег! Если бы твой отец не задерживал зарплату, с чего бы мне скатиться до такой жизни?! — Дубинки градом сыпались на Сун Цинхуай, но мужчина никак не мог унять злость.

Кожаные ботинки зашагали по снегу, издавая хрустящий звук. Фу Шицзюнь неспешно подошел и остановился: — Хуай-хуай, я могу тебя спасти, но ты знаешь цену.

— Я спрошу только раз: хочешь, чтобы я тебя спас?

Сун Цинхуай лежал на земле, его руки находились прямо под ногами мужчины — стоило тому надавить, и его кисти были бы безнадежно искалечены.

Что выбрать: руки или достоинство?

Он ведь только что принял твердое решение уйти от Фу Шицзюня, а теперь вынужден молить его о помощи.

По сравнению с его руками гордость потеряла всякое значение.

Слова словно выдавливались из самого горла: — Хочу.

— Какой-то сопляк возомнил себя крутым! — Мужчина ткнул Фу Шицзюня дубинкой.

— Попроси меня, — Фу Шицзюнь, казалось, вовсе не замечал свирепого головореза, его взгляд был прикован к Сун Цинхуай.

Преодолевая боль, Сун Цинхуай долго не мог выдать из себя и звука, пока наконец не выронил два слова: — Прошу тебя.

Добившись своего, Фу Шицзюнь бросил телефон в карман и озарил лицо кровожадной улыбкой: — Хорошо.

Мгновение спустя несколько мужчин рухнули в снег. Дубинка в руке Фу Шицзюня всё еще сочилась кровью.

Он сделал звонок, велел разобраться с местом происшествия, после чего сел в Астон Мартин:

— Назад в Юйцзяньюань.

Фу Шицзюнь бросил мимолетный взгляд на уже потерявшего сознание Сун Цинхуай. Лицо того покраснело и опухло от холода. И откуда в нем только бралось столько упрямства? Но раз уж на сей раз ему здорово досталось, впредь он наверняка перестанет пытаться сбежать.

<http://bllate.org/book/25963/3108921>